

Предпраздничное интервью: рассказывает
народный артист СССР Евгений НЕСТЕРЕНКО

До каждого сердца

«Потрясающий русский бас», «Лучший бас мира», «Мы не слышали такого баса со времен Шаляпина», — так писала о солисте Большого театра, народном артисте СССР Евгении Нестеренко зарубежная пресса. Руслан, Борис Годунов, Князь Игорь, Сусанин — более двадцати ведущих партий создано певцом на сцене театра. Феноменальные вокальные данные позволяют Нестеренко исполнять оперные роли предельной сложности.

— Евгений Евгеньевич, в эти дни мы все живем праздником Октября. Как складываются для вас предпраздничные и праздничные дни?

— Только что вернулся из Тбилиси, где проходил фестиваль советской музыки. Там с Московским камерным хором,петь с которым очень люблю, я участвовал в исполнении Мессы Россини. Пел и сольный концерт. В него входили произведения Шостаковича, Свиридова, Кабалевского, Хренникова, Туликова. 6 ноября буду участвовать в праздничном концерте во Дворце съездов. Ну и, конечно, очень важное для меня событие — на днях состоялась премьера оперы «Князь Игорь» в Большом театре, где я исполнял партию Игоря.

— Евгений Евгеньевич, вы участвовали в спектаклях лучших театров мира — «Ла Скала», «Метрополитен», «Ковент-Гарден», «Гранд-Опера». Какое из выступлений особенно памятно вам?

— Мне выпала честь исполнять партию Филиппа в торжественном спектакле «Дон Карлос» Верди, которым «Ла Скала» открыл свой 200-летний юбилейный сезон. Партию Эболи исполняла Елена Образцова. Спектакль транслировался по телевидению на весь мир. И в тот вечер мы испытали высокое чувство гордости за русскую вокальную школу, за Ленинградскую консерваторию, воспитавшую нас.

— А как вы стали певцом?

— Теперь, говорят, существуют машины, которые помогают определить будущую профессию. В пору моей юности таких машин не было, все решала интуиция, и она меня подвела: я поступил в Ленинградский инженерно-строительный институт. Потом была самодеятельность, занятия в консерватории на вечернем отделении и трудная учеба на два фронта — ЛИСИ я все-таки закончил. Под Ленинградом и сейчас стоят несколько жилых домов, в строительстве которых принимал участие — работал прорабом. Ну, а певцом стал, когда закончил консерваторию. Голосу своему я сопротивлялся изо всех сил, но он меня все-таки победил!..

— Партия Бориса Годунова в вашем исполнении считается вершиной басового репертуара. Расскажите, пожалуйста, о работе над ней.

— О Борисе я мечтал задолго до того, как получил на него право. В работе над этой ролью я придерживался прежде всего принципа — идти не от традиции, а от нотного оригинала, от самой музыки. Случилось так, что вначале я спел Бориса за рубежом — в Польше, Болгарии, Франции, США. Успех был большой, однако с «традициями» мне пришлось столкнуться. Так, некоторым американским критикам показалось, что в сцене галлюцинаций я недостаточно сильно показал ужас Бориса. Им хотелось, видимо, чтобы я решил эту сцену натуралистически — стя-

гивал скатерть со стола, крушил мебель... С моей точки зрения, высокий трагизм требует предельного лаконизма. Вокальные нюансы и тонкая сценическая пластика — вот те «эффекты», которыми должен пользоваться певец при создании образа.

— Какое свое выступление вы считаете самым необычным?

— Оно тоже, пожалуй, связано со спектаклем «Борис Годунов», который транслировался из Большого театра по системам Интервидения и Евровидения в 1977 году. Накануне, во время репетиции, я упал и сломал руку. Вот так — в гипсе, с обезболивающими уколами и пришлось петь. И судя по письмам зрителей, никто этого не заметил.

— Как певец какие вы ставите перед собой задачи?

— Всегда пою для того, чтобы доставить людям радость. На своих концертах стараюсь показывать слушателям страницы музыки, доселе им неизвестные. Звучат в моей концертной программе вокальные произведения Баха и Шуберта, ранее никогда не исполнявшиеся в нашей стране. А для этого я постоянно разыскиваю редкие ноты, делаю переводы заинтересовавших произведений. И нет для меня большей радости, чем получить на концерте записку с просьбой исполнить одну из таких «открытых» вещей.

И еще одно, во всех случаях избегаю петь «запетые» произведения, потому что они менее интересны и мне, и слушателям.

— Евгений Евгеньевич, вы известны, как неутомимый пропагандист русской вокальной классики. Произведения какого композитора особенно близки вашему сердцу?

— Среди многих дорогих имен хочется назвать имя Мусоргского. В этом году весь музыкальный мир широко отмечал столетие со дня смерти гениального композитора. И в юбилейные мартовские дни я выступил на сцене прославленного «Ла Скала» с концертом вокальных произведений Модеста Петровича. С интересом наша музыкальная общественность восприняла цикл вечеров, на которых впервые прозвучали все фортепианные и все вокальные произведения композитора. В этих концертах принимали участие и мои талантливые ученики — Михаил Крутиков (бас) и Ирина Муратова (сопрано). Для меня дорого все, что связано с именем Мусоргского. Вот уже десять лет я поддерживаю самый тесный контакт с Домом-музеем композитора на его родине. Стараюсь привозить туда все, что может рассказать о жизни музыки Мусоргского сегодня, — фотографии, афиши, программки, пластинки, издания нот... Часто выступаю вместе со своими коллегами-музыкантами перед односельчанами композитора. Мне так полюбились поэтические края Мусоргского, что я даже с удовольствием провожу там с семьей отпуск.

— Вам приходилось выступать и перед знатоками музыки, и перед неискушенными слушателями. Есть ли, на ваш взгляд, разница в этих концертах?

— Настоящая музыка доходит до каждого сердца. Поэтому мой девиз — всегда оставаться самим собой, вне зависимости от того, где происходит концерт: в Большом зале консерватории или в рабочем клубе. Таково, я считаю, неизменное правило нашего советского искусства. Мы служим своему народу...

Беседу вела
Т. ДМИТРУК